

Языковое поведение респондентов имеет большое значение, так как отражает процесс коммуникативности представителей изучаемого этноса с людьми иных этнических групп, а также влияние языка титульной нации на повседневную жизнь мигрантов.

Вопрос о том, какому языку респонденты учат (собираются учить) своих детей, заслуживает отдельного внимания, поскольку наибольшее число опрошенных выбрали чеченский язык. Существует множество связей между языковым развитием и другими аспектами развития детей. Национальный язык является главным средством социализации. Для ребенка важно научиться понимать не только язык, но и жесты, взгляды; он должен знать, когда надо молчать, как и когда слушать. Язык играет привилегированную роль в процессах социализации. Чтобы быть компетентным носителем культуры, субъект должен уметь говорить так, как принято в данной культуре⁹.

Таким образом, знание и использование национального языка во внутриэтническом общении являются существенными показателями устойчивости этнической идентичности чеченских мигрантов. Анализ использования чеченского языка во внутриэтническом общении указывает на то, что вектор социолингвистической динамики остается положительным и направлен на сохранение родного языка.

УДК 316.356.2

БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ: ПАРАДИГМА КОМПЛЕКСНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

М. Э. Елютина, С. В. Климова*

Саратовский государственный университет

* Саратовский социально-экономический институт

Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

E-mail: elutina133@mail.ru, klimovasv@yandex.ru

В статье анализируется современное состояние изучения благополучия семьи в отечественной социологии, излагаются программные положения для разработки теории благополучия семьи на базе эмпирических исследований, обосновывается включение в анализ благополучия семьи институционального качества отношений супружества, родительства, родства и возрастного фактора.

Ключевые слова: исследовательская программа, институциональные ресурсы семьи, стратегии поведения.

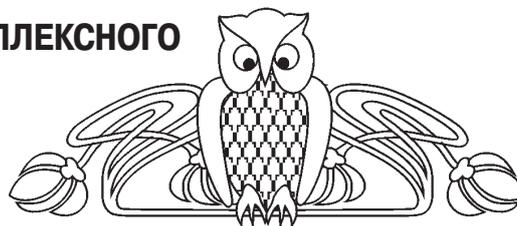
Prosperity of Family: Paradigm of Complex Institutional Analysis

M. E. Elutina, S. V. Klimova

In the article the modern state of study of prosperity of family is analysed in home sociology, programmatic positions are expounded for development of theory of prosperity of family on the base of empiric researches, plugging in the analysis of prosperity of family

Примечания

- ¹ Ушинский К. Д. О преподавании русского языка. URL: <http://orthgymn.ru/publish/rodnoeslovo/ushinsk.php> (дата обращения: 12.01.2012).
- ² См.: Е. Пивнева. Поддержка и развитие финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В. А. Тишкова. М., 2011. С. 66.
- ³ См.: Акаев В. Х. Национальная идея чеченцев (от постановки до разработки) / Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Грозный, 2005. С. 27.
- ⁴ См.: Чеченцы: история и современность / под общ. ред. Ю. А. Айдаевой. М., 1996. С. 287.
- ⁵ См.: Караев Р. Язык на грани смерти. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=17&PubID=11217> (дата обращения: 21.04.2012).
- ⁶ См.: Акаев В. Х. Указ. соч. С. 26.
- ⁷ См.: Валеева А. Ф. Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсифицированность). Саратов, 2003.
- ⁸ См.: Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность // Социс. 1997. № 8. С. 47.
- ⁹ См.: Социализация посредством языка. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru> (дата обращения: 19.02.2012).

institutional quality of relations of matrimony, paternalness, cognation and age-related factor is grounded.

Key words: research program, institutional resources of family, strategy of behavior.

Изучение текстов социологических исследований о семье за тридцатилетний период, начиная со второй половины 70-х гг. XX в., социологическими методами анализа документов обнаруживает наличие существенных теоретико-методологических проблем в социологии семьи¹, что проявляется в недостаточном разработанном понятийном аппарате как на уровне теоретического объяснения, так и в эмпирических социологических исследованиях этого направления. В проблемное концептуальное поле нередко помещаются, наряду с традиционными понятиями «семья», «виды семьи», понятия, фиксирующие различные модусы позитивных оценок семейных

отношений, – «благополучие семьи», «семейное благополучие», «благополучная семья». Разнообразные контексты семейного благополучия непременно озвучиваются в каждом социологическом исследовании семьи как малой группы и как социального института в качестве латентного критерия научной экспертизы семейных отношений. Семейное благополучие подразумевается, но явно недостаточно конкретного знания о нем.

Следует отметить еще одну типичную черту социологических исследований семьи в России двух последних десятилетий. Под влиянием трансформационных процессов российского общества в социологии семьи сложился теоретический стереотип: неблагополучие семейных отношений выбирается в качестве отправного пункта в исследовании семьи и критерия для благополучия. По-нашему мнению, познавательный вектор необходимо повернуть в обратную сторону: понять неблагополучие семьи можно через специальное изучение ее благополучия. Такой ракурс научного анализа правомерен с точки зрения канонов методологии социологического исследования.

В эмпирических исследованиях социологи используют операциональные определения. Логическая особенность этих мыслительных форм в том, что они конструируются для конкретной цели исследования, складываются из тех структурных признаков, которые содержатся в воссоздают целостное видение его предмета. В исследовательском процессе ученый ориентируется на созданный им образ того, что он намерен изучить. Операционализация понятий – неотъемлемая процедура любого эмпирического исследования. В этой особенности методологии конкретных социологических исследований скрыта одна из причин того, что каждое эмпирическое исследование семьи опирается на соответствующее данному контексту понятие о семейном благополучии. Следовательно, для того чтобы узнать, что такое семейное благополучие само по себе, то есть по своей сущности, в данном обществе в настоящий момент его развития, необходимо сделать его предметом эмпирического исследования. Исходя из специфики социологической методологии, концептуальный инструментарий для оценки благополучия института семьи должен создаваться в специальных эмпирических исследованиях, нацеленных на изучение социальных контекстов взаимодействий людей по обеспечению благополучия своей семьи.

Ответ на вопрос «Что такое “благополучие семьи”?» лежит в предметном поле социальной философии, а в социологическом исследовании важны представления людей о семейном благополучии, которыми они руководствуются в жизни, поэтому любая теория благополучия семьи должна отталкиваться от того, как люди его понимают. Для концептуализации благополучия семьи в современном российском контексте необ-

ходим объем эмпирической информации об этих представлениях и их взаимодействии с достигательными практиками, который в настоящий момент не получен. В России такие исследования, насколько нам известно, не проводились. По нашему мнению, этому препятствуют, прежде всего, причины парадигмального характера. Учитывая имеющийся задел по изучению проблемы благополучия семьи в отечественной социальной науке, мы предлагаем исследовательскую программу, в которой концептуальное объяснение – теория – благополучия семьи конструируется на базе институциональных параметров благополучия супружества, родительства и родства в контексте возрастных различий.

Критический обзор тенденций содержательных репрезентаций благополучия семьи в научном дискурсе раскрывает необходимость комплексного институционального подхода к его изучению. Он показывает, что в отечественной социальной науке в оценке благополучия семьи сложились определенные индикаторы.

Во-первых, в постсоветский период в связи со значительным сокращением государственной поддержки семьи, поляризацией доходов населения и актуализацией бедности в России экономические проблемы семьи привлекли особый интерес со стороны ученых, что породило дисбаланс в содержательном наполнении понятия «благополучие семьи». Под ним стали подразумевать благосостояние, а именно: материальный достаток и уровень потребления, обеспечение семейной жизни финансовыми и вещественными ресурсами. Внимание исследователей фокусируется на «наполняемости» семейного бюджета в аспектах его формирования на микро- и макроуровне определенной социально-экономической ситуации и семейной политики в стране, а также на условиях жизни семьи. На авансцену социологии семьи и экономической социологии выходит тема влияния социально-экономических процессов в обществе на семью, детально изучаются экономические проблемы семьи и разнообразные факторы, влияющие на уровень и качество ее жизни (финансовое положение семьи, проблема занятости супругов, получение государственных трансфертов поддержки, жилищные условия, низкодоходные семьи, вопросы социальной защиты семьи, зависимость удовлетворенности семейными отношениями от экономического положения семьи). В последние годы исследовательский интерес направлен, главным образом, на изучение практик адаптации семьи к экономическим трансформациям в стране, способов и механизмов выживания семьи в условиях финансово-экономического кризиса.

На базе изучения экономических процессов, протекающих в социальных сетях, в постсоветский период возникает новое направление социологических исследований семьи – изучение экономического обмена в социальном институте

семьи, а именно: сетевого межсемейного обмена экономическими ресурсами и продуктами, в том числе информационными и эмоциональными трансфертами, реципрокного обмена, различия обмена между городскими и сельскими семьями, влияния на экономический обмен между семьями степени родства, культурных традиций и кодов микросреды, структуры межличностных связей². Изучение семейной и домашней экономики помогает понять, каким образом в неблагоприятной социально-экономической среде (высокая безработица, низкий уровень средней заработной платы в России, отсутствие стабильной занятости) многие семьи, находящиеся за чертой бедности, способны развиваться. Исследования объяснили «секрет» того, как семья борется с финансовым неблагополучием с помощью внутрисемейного и межсемейного бартера, а также практик одаривания, возникающих на почве ролевых ожиданий в отношениях родительства и родства³.

В экономической парадигме семейное благополучие идентично достатку. Эта же интерпретация присутствует и в изучении неформальной экономики семьи. Однако данное направление экономических исследований вносит весомый вклад в институциональный анализ благополучия семьи, раскрывая приоритет социокультурного механизма в сопротивлении неблагоприятной внешней среде. Этот же исследовательский подход, внесенный в изучение семьи экономистами, позволил по-новому взглянуть на быт семьи, с новым значением подчеркнуть его важность для благополучия семьи в рыночных отношениях. Собственно домашний труд имеет экономические функции: он предназначен для удовлетворения физиологических и социальных потребностей членов семьи в индивидуальном производственном процессе с учетом индивидуальных запросов. Однако домашнее хозяйство не исчерпывается одной домашней работой, оно является важнейшей структурной составляющей внутренней среды семьи, создает не только вещи и услуги для членов семьи, но и отношения, в которых воспроизводятся институциональные социальные нормы. Быт объединяет и воспитывает, в быту происходит обмен деятельностью, необходимый для функционирования «ячейки» как единого целого, как дискретной единицы общества. Быт обеспечивает человеку жизненный комфорт, в свою очередь, эмоционально и материально комфортный быт всегда считался важнейшим критерием благополучной семьи.

Во-вторых, в последнее время содержание благополучия семьи осмысливается в категориях обмена свойствами между человеческими и нечеловеческими актантами в переплетениях социальных взаимодействий, когда вещь рассматривается как ресурс социального взаимодействия, который мотивирует, тематизирует, конструирует дополнительные значения в контексте внутрисемейной коммуникации, инициирует эмоции и сопереживания, обеспечивает социальную иден-

тификацию. Изучение материальных объектов, вещей как важного социального аспекта повседневной жизни семьи началось совсем недавно. Во многом оно инициировано теоретическими ресурсами Б. Латура и К. Кнорр-Цетины, в основе которых – представление о вещи как ансамбле различных реальностей (экономической, политической, культурной)⁴. Речь идет о ситуациях, когда вещи выступают не как простые реагенты, а начинают проявлять свое присутствие, заметно вмешиваются в человеческие взаимоотношения, из-за чего последние могут попасть в зависимость от них. В этом смысле интересными направлениями научного поиска выступают следующие: анализ динамики ценности вещи в контексте семейной биографии, выделение возрастных, гендерных особенностей в отношении к артефактам, рассмотрение их в качестве конфликтотенных зон повседневной жизни; изучение практик потребления как новых, функциональных, современных вещей, так и приобретение, перемещение антикварных предметов в контексте их символических кодов, функций, идеологий, стилей; изучение повседневных практик, с помощью которых осуществляется функционирование и утилизация старых вещей. Вещи в контексте повседневных семейных взаимодействий выступают средством для «калибровки» индивидуальных моделей поведения, конструирующих благополучие/неблагополучие семьи.

В-третьих, особенностью оценок семейного благополучия в социальном знании является его сопряжение с асоциальным поведением членов семьи. В этот разряд попадают семьи, в которых оба родителя или один из них злоупотребляют алкоголем или наркотиками, ведут асоциальный образ жизни, не выполняют своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей, не уделяют им должного родительского внимания. В научном дискурсе достаточно много работ, так или иначе затрагивающих проблему такого семейного неблагополучия. Новая тенденция в его изучении – связь с проблемой бедности как главной причины девиации в семье и невозможности ее преодоления в силу структурных причин. Например, одной из причин социального сиротства и беспризорности после перестройки российского общества является невозможность родителей обеспечить ребенку в семье необходимое питание, из-за чего дети вынуждены уезжать из дома «на заработки», осуществляя самостоятельный поиск ресурсов для жизни. Исследования обнаруживают, что большинство преступлений несовершеннолетних детей – различного рода хищения, которые они совершают по причине неудовлетворения витальных потребностей в еде, одежде в своей семье, а также в целях выравнять свой уровень потребления по сравнению с детьми из семей, где есть материальный достаток⁵.

В социологии семьи «благополучие семьи» и «благополучная семья» помещаются в про-

странство «отсутствия» как в случае отсутствия девиации в поведении родителей и детей, так и при отсутствии структурной девиации (неполная семья, опекунская семья, сводная семья). Акцент в оценке структуры семьи ставится на условиях, максимально благоприятных для нормального развития ребенка. В этом плане семьи, имеющие отклонения от структуры полной семьи с биологическими родителями, традиционно оказываются в зоне риска для благополучной социализации детей. Считается, например, что одной матери сложнее без мужа «поднимать» ребенка. Однако результаты эмпирических исследований развития детей в разных типах семей обнаруживают несостоятельность общепринятого мнения о неполной семье. В сводных семьях, возникающих в случае повторного брака одного из родителей и имеющих состав полной семьи, развитие личности детей протекает хуже, чем в неполных семьях⁶.

Новая тематика социологических исследований семьи, обусловленная тенденциями правовой модернизации воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в постперестроечной России – проблематика замещения биологических родителей в патронатных семьях. Приемное родительство является по своей сути правовым институтом, который призван обеспечить благополучие детям, переданным приемным родителям от неблагополучных родных родителей. В силу того, что с институциональной точки зрения приемная семья является суррогатной моделью родительства, изучение ее благополучия должно быть выделено в особое направление и проводиться по специальным критериям, в которых ключевую роль играет оптимальность правового обеспечения деятельности такой семьи социальными тенденциями ее развития.

Семьи, требующие поддержки государства и общества, также «стигматизируются» как неблагополучные. Как депривированные и, следовательно, не имеющие в достатке социальных благ рассматриваются семьи, воспитывающие детей-инвалидов. При этом основной акцент делается на медико-социальной помощи, правовых аспектах системы социальной защиты, государственной политики в отношении неблагополучных семей.

Можно сказать, что о неблагополучии семьи в отечественной социальной науке появилось больше знаний, чем о ее благополучии. В эту «копилку» семейного неблагополучия в последние двадцать лет складываются результаты социологических обследований репродуктивных установок населения. Демографический подход к оценке интерпретации семейных ролей – изучение родительства как репродуктивного поведения, оценка ценностных ориентаций женщин и мужчин в аспекте соответствия задачам воспроизводства населения в стране – прочно обосновался в социологии семьи. Демографами в качестве идеала семейных отношений предлагается многодетная семья, поэтому в демографическом фокусе рос-

сийская семья в целом получает оценку неблагополучной, поскольку репродуктивная мотивация, прежде всего у женщин фертильного возраста, уступает место другим ценностям после того, как они прочно утвердились на рынке труда. И в семейной жизни ценность детей значительно уступила место ценности принятия супружества.

В социологических исследованиях последнего десятилетия демографическое неблагополучие тесно увязывается с экономическими проблемами семьи: низкая мотивация к репродукции обусловлена материальными трудностями и проблемами нестабильной занятости женщин, молодой семьи, содержания и обучения детей. Отсюда возникает простая рекомендация для семейного счастья: создание благоприятного климата в семье зависит от количества в ней детей и количества материальной поддержки репродукции. Однако, как показывают исследования, современная многодетность качественно отличается от многодетности предшествующих исторических периодов⁷. Сегодня осознанно к многодетности приходят те женщины и мужчины, у которых есть обоюдная духовная потребность в самореализации в общении с детьми. Это условие радикально отличает большую семью постиндустриального общества от большой семьи доиндустриального общества, в которой роль ребенка уже в раннем возрасте дополнялась либо производственной ролью, либо родовой или государственной. Материальный достаток в семье для модели современной многодетности желателен, но не обязателен: отцы и матери в больших семьях готовы терпеть недостаток в целях удовлетворения своей довольно специфической для общества массового потребления духовной потребности в общении с детьми. Таким образом, абсолютное большинство населения страны, не обладающее такой скорее уникальной, чем типичной потребностью, не может воспользоваться рецептом благополучия семьи, предлагаемым государству и обществу демографами.

Феминистские исследования, появившиеся в российской социологии в конце XX в., добавили собственные краски в палитру тематики семейного неблагополучия: гендерная асимметрия семейных ролей, внутрисемейное насилие по отношению к детям и женщинам, функциональный диссонанс маскулинности и феминности. Социогеронтологический научный дискурс обратил внимание на различные виды геронтологического насилия в структуре внутрисемейного взаимодействия, на анализ проблемных зон семейных отношений, инициирующих проявление такого насилия.

Отметим тот факт, что качество отношений в семье как важнейший параметр ее благополучия в социологических исследованиях освещается в наименьшей степени по сравнению с другими его признаками, находится на периферии интереса социологов. Нередко о нем вспоминают лишь на стадии распада семьи. Существует ряд социоло-

гических исследований, посвященных семейным конфликтам, однако это направление практически развивается больше психологами с использованием психологических методик, в то время как социологическая методология имеет существенные преимущества в экспертизе отношений членов семьи, располагая инструментарием выявления социокультурных норм супружества, родительства и родства.

Представляется, что перечисленные индикаторы семейного неблагополучия, так же как и рассмотренные изолированно от других индикаторы семейного благополучия, вряд ли могут служить солидной основой научного анализа семейных отношений. В действительности люди руководствуются разнообразными критериями семейного благополучия, которые имеют корни в традициях, но и меняются под влиянием особенностей определенного исторического периода.

Любая семья стремится к благополучию, что является очевидным социальным фактом. В общем смысле благополучие – целевая составляющая жизнедеятельности человека, реализующаяся поэтапно. Достижение благополучия семьи – основа ценностной мотивации семейного поведения женщин и мужчин. Благополучие семьи как социальный факт также подтверждается эмпирическими исследованиями. «Ситуация в российских «ячейках общества» в целом складывается благополучно. Россияне довольны отношениями в своих семьях: 54% оценивают их как хорошие, 41% – как удовлетворительные и лишь 5% – как плохие. При этом люди, состоящие в браке (в том числе гражданском), дают эти оценки примерно в таком же соотношении: 59, 39 и 2% соответственно, т. е. в целом оценка ситуации в семье не зависит от того, собственная ли это семья или это так называемая родительская семья»⁸. Однако асимметричный интерес в исследованиях к деструктивным условиям и факторам семейной жизни ставит под сомнение наличие благополучия в российской семье в целом.

Нельзя сказать, что семейное благополучие вынесено из целей исследований. На базе эмпирических исследований, проведенных в России в последние десять лет, раскрыты проблемные аспекты того, что общество связывает с благополучием семьи. Условно их можно подразделить на следующие направления: проблемы обеспечения благосостояния (достатка) семьи, проблемы ненормативного исполнения семейных ролей, проблемы качества внутрисемейных отношений, включая проблему насилия в семье, проблемы установок на рождение детей. Благополучие семьи в различных достижительных контекстах: возрастном, пространственно-артефактном, в контексте поколенческой солидарности, динамического потенциала в современном российском обществе, в существующих исследованиях не изучалось, отсутствует какая-либо классификация стратегий достижения.

Статус благополучной семьи, достижительные контексты семейного благополучия остаются пока не концептуализированными в рамках социологической теории. Внутренние (институциональные) ресурсы семьи, семейные стратегии и их влияние на качество жизни, интересобъективные и интересубъективные контексты достижительных стратегий повседневной жизни семьи остаются вне поля зрения исследователей. В социальном знании отсутствует научная оценка возможности семьи быть проводником социальных изменений, экономического развития, основой социализации человека в обществе и удовлетворения его социальных потребностей на «ресурсной» базе паттернов семейной жизни, не исследуется их модификация и приспособленность к необходимости обеспечения семейного благополучия в «рыночных» условиях. В макросоциальной проекции ответы на эти вопросы о микропроцессах в институте семьи важны также для научной оценки состояния социальной структуры общества, прогнозирования возможного структурного дисбаланса и нестабильности социальной системы в целом. Фокусирование научного интереса на исследовании стремления семьи к благополучию напрямую связано с усилением интеграционных процессов в обществе посредством институционализированных механизмов семейно-поколенческой идентификации, наследования культурного и социального капитала, экономического или символического обмена.

В методологии авторского подхода семья не отождествляется с домохозяйством, специфические функции социального института выбираются в качестве основополагающих для выбора его проявлений в жизни. Основная функция семьи – репродукция поколений, поэтому к объекту исследования семейного благополучия должны быть отнесены все люди, имеющие детей, независимо от структуры семьи. В чем новизна предлагаемого авторами комплексного подхода к изучению благополучия семьи? Изложим его программные аспекты, которые должны реализовываться в инструментарии конкретных социологических исследований для получения достоверных результатов о благополучии семьи, дополняя их эмпирической аргументацией. Исследовательские задачи в рамках подхода предполагают получение знания о практиках и правилах того, каким образом люди, ориентируясь на благополучие, предотвращают все то, что бы их в семье не удовлетворяло.

1. Анализ качества отношений в семье

Как отмечалось выше, в последнем десятилетии в отечественной социологии благополучие семьи рассматривается, главным образом, в аспекте ее экономического статуса. При таком подходе, обусловленном социально-экономическими проблемами современного общества, показателем благополучия семьи выбирается уровень потре-

бления материальных ценностей, однако такой ракурс не учитывает значения нематериальных ценностей в отношениях членов супружества, родительства, родства, исключает их из объекта исследования. Материальное благополучие является необходимым, но недостаточным условием для удовлетворяющего семейный коллектив состояния. Нематериальные ценностные ориентиры любви, взаимопонимания, уважения личности оказывают обязательное влияние на повседневные взаимодействия в семье.

Удовлетворение семейными отношениями зависит от соответствия их критериям качества, роль которых играют сложившиеся институциональные нормы, задающие институциональные ожидания. Достижительные стратегии благополучия в семье, как и в других сферах отношений человека, определяются некими социальными примерами и идеалами. В любой деятельности, добиваясь успеха, человек ориентирован на эталон, следуя которому, он «просеивает» жизненные ситуации, обстоятельства и получаемые результаты деятельности. Семейные идеалы – образ идеальной семьи, идеального мужа, идеальной жены, идеальных отношений между родителями и детьми, – почти в каждом случае сформировавшиеся в родительской семье, ориентируют женщин и мужчин в собственной семье либо следовать примеру своих родителей в отношениях с супругом, детьми, либо отказываться от них. Важно понять, каким образом социальные образцы отношений «конкретизируются», оформляясь в семейной стилистике в некие виды семейного поведения, которые позволяют людям избегать разного рода неприятностей, с которыми сопряжена семейная жизнь: решать материальные и психологические проблемы, преодолевать возникающие трудности становления и развития семьи, предотвращать конфликты и т. п.

Для теоретической интерпретации содержательных признаков благополучия отношений необходимо опираться на имеющиеся знания о критериях качества отношений супругов и родителей и детей в современном российском обществе. Нуклеаризация семейной структуры привела к тому, что в представлениях современных людей семья максимально приближена к браку, и значительная часть женщин и мужчин эти понятия отождествляет. Методология авторского подхода учитывает, что равенство статусов супругов, наличие у них общих жизненных целей и ценностей является идеалом матримониальных отношений в российском обществе, транслируется в каждом новом поколении⁹. Социализация поколений в культуре России происходит под воздействием этой традиции, ориентируя не только супругов, но и детей относиться к семье как к общему делу. Благодаря общественному идеалу семейного сотрудничества консенсусная модель распределения ролей в семье – наиболее распространенная в современной России¹⁰. Методология исследования

учитывает роль критерия согласия между мужем и женой как социокультурного регулятора поведения мужчины и женщины в семье, условия удовлетворяющих женщин и мужчин чувственных оценок супружеских отношений, его контекстуальное значение для культуры отношений в семье¹¹.

Анализ качества отношений родителей и детей осложняется разнообразием их интерпретаций в культуре. Традиционно отношения «отцов и детей» в научном и художественном дискурсе проблематизируются в определенном историческом контексте в рамках конкретных моделей детства, юности, идентичности несовершеннолетних и совершеннолетних детей. Однако из века в век повторяются как классические показатели не удовлетворяющих детей и родителей отношений, независимо от их возраста, так и индикаторы благополучных отношений. С одной стороны, к ним относятся взаимные недоверие и претензии друг к другу, дистанцированность, неуважение родителей детьми, нелюбовь родителей к детям, с другой стороны – признание детьми родителей духовным и социальным авторитетом или другом, доверие и любовь. Важно узнать и классифицировать практики общения в семье и поведения родителей и детей в семьях, способствующие преодолению отчуждения родителей и детей в разных возрастах, которые позволяют пролонгировать их единую семейную связь из одного этапа развития семьи в другой, «написать благополучный сценарий» необходимости представителей разных поколений одной семьи друг другу. Речь идет о тактиках ускользания от внутрисемейных конфликтов и особых стратегиях «утепления» отношений, что представляется весьма важным при использовании модели амбивалентности Н. Смелзера¹². Это позволяет в анализе благополучия семьи фиксировать факты того, что семейные отношения существуют в рамках раздвоенных альтернатив не в понимании патологии, а в рамках нормы (противоположенные аффективные ориентации), и выйти за рамки объяснительной модели рационального выбора, представить семейные отношения без строгого различия между рациональным, нерациональным и иррациональным. Амбивалентные отношения в разных семьях могут сочетаться по-разному. Переработка амбивалентности может иметь как благоприятные, так и нежелательные последствия.

Семейные роли типично приобретаются и сохраняются в силу кровного родства. Важный критерий благополучия семьи – качество межпоколенных отношений родственников (включенность родовой памяти в повседневную жизнь семьи, межпоколенная солидарность, формы накопления и механизмы трансляции материальных и духовных ценностей в семье, роль эмоций, в первую очередь resentment, и их проекций на достижение семейного благополучия). Исследо-

вание семейного благополучия возможно лишь в инфраструктуре родственных отношений (института родства), фиксирующей социальную память семейных установлений. В социокультурном пространстве России семья не индивидуализируется от рода, ресурсы для благополучия формируются в его поколениях. Однако этот посыл редко вводится в социологических исследованиях в методологию изучения семейных отношений. Хотя расширенная семья как проживание нескольких поколений в одном домохозяйстве уходит в небытие, тем не менее, институт родства сохраняет свои позиции в семейных отношениях. Согласно данным федерального опроса, у 79% респондентов родственники (помимо проживающих совместно с ними членов семьи) входят в группы общения в свободное время¹³. Авторский подход включает изучение разных фреймов родства и их «сортировку» в смысле наличия возможности «капитализировать» родственников в экономическом и духовном плане, воспользоваться положительным социальным примером стиля родственных отношений.

2. Анализ включения духовных и вещественных ресурсов в семейные отношения

Социологические исследования личности указывают на необходимость учета взаимосвязи духовных и материальных интересов и потребностей в изучении социализации личности. Семейная социализация также не является исключением из этого методологического канона. С одной стороны, благополучие семьи связано с духовным развитием личности членов семьи, с их духовными приоритетами, направлением познавательных интересов. Важно понять, каким образом духовные потребности и интересы к социальной памяти, образованию, религии, искусству связаны с достижением благополучия семейного коллектива. С другой стороны, немаловажна бытовая сторона реализации личности, ее отношения к вещам, вещественные предпочтения и пристрастия.

Современная общественная динамика фокусирует исследовательский интерес на постижении сложных сцеплений жизни, взаимодействия «внешней» действительности и человека, биографии и внешних вещественных предметов. Проблема их взаимопроникновения наиболее рельефно проявляется в достаточно замкнутом пространстве домашней жизни, которое невозможно представить без множества предметов повседневного обихода, выполняющих функцию «медиаторов» и «стабилизаторов» внутрисемейных взаимодействий. Речь в данном случае идет о заметном вмешательстве вещей в человеческие взаимоотношения¹⁴. Вещи, отношение к ним с полным правом становятся парадигмой для диалогов в семье, предполагают радикальное изменение позиций.

Содержательная интерпретация благополучия в семье в данном случае сопряжена и с категорией «мера присутствия», фиксирующей проявления субъектности в предметном окружении. «Мера присутствия» зависит от степени развития семьи, характерных для данной семьи взаимоотношений, статусных позиций каждого в семейной группе, от личностных особенностей каждого члена семьи, от социокультурного контекста, принятых норм, правил, ценностей, закрепленных в той или иной культуре. Нередко жизненное пространство семьи маркируется по принципу: модно – немодно, престижно – непрестижно, комфортно – некомфортно. При этом приоритетные расстановки делаются в соответствии с семейной структурой распределения власти, устанавливающей контроль над членами семьи: а) посредством отгораживания; б) функционального размещения; в) возрастной стратифицированности. Знание о мере присутствия каждого члена семейной группы и их отношении к вещной составляющей в домашнем пространстве повседневной жизни дополняет картину благополучия семейной группы.

3. Анализ занятости в семье

В этот аспект исследовательской программы входит изучение:

- 1) влияния качества отношений в семье на характер включения членов семьи в домашнюю работу и ее распределения в семье;
- 2) стиля ведения домашнего хозяйства, его приемов и «секретов» на удовлетворение витальных потребностей, потребления материальных благ;
- 3) влияния занятости вне дома на содержание, характер исполнения семейных ролей, выяснение негативных и позитивных моментов пересечения публичной занятости и частной жизни семьи, способов и видов предотвращения и преодоления возникающих ролевых конфликтов.

Социальный обмен лежит в основе жизнедеятельности человека и общества. В повседневной жизни обмен ценностями и различными трансфертами происходит в разнообразных формах. Природа социальных отношений порождает также основополагающую форму обмена между людьми – обмен деятельностью. В семейных отношениях супруги, дети, родственники участвуют в производстве необходимых им витальных и социальных благ, оценивая свой вклад в соответствии с институциональными образцами, но также на основе мотивационного блока ценностей развития собственной личности, индивидуальными эталонами. Важно понять, по каким правилам функционирует обмен деятельностью в семье, какие образцы и ориентиры делают его благополучным, успешным и удовлетворительным как для семьи, так и для личности, меру сопряжение интересов семейного коллектива и индивидуальных потребностей его членов в обмене деятельностью.

4. Учет фактора возраста в стратегиях достижения благополучия

Методология авторского подхода опирается на знание о социальных механизмах, приемах, технологиях для оптимального общения и обеспечения взаимопомощи всех возрастных групп населения. Инфраструктура родственных отношений, в которых развивается семья, меняется вместе с переходом человека из одного возраста в другой, отсюда необходимость введения в анализ возрастного неравенства и возрастных различий достижительных практик. Институциональный анализ исходит из понятия «социальный возраст» и опирается на социологические подходы к изучению возраста (стратификационный, культурологический, ресурсный, гендерный). Особое значение для методической разработки инструментария анализа имеет анализ индивидуального возрастного процесса. С точки зрения данного подхода структурной организацией возрастных этапов является не отношение иерархии, или цикличность, а «цепочка». Именно цепочечная структура манифестирует возрасты жизни, между которыми нет черты, разделяющей их непроходимой стеной. Возрастные этапы, не тождественные друг другу, но вполне равноценные, складываются в целостность истории человеческой личности. Каждый более поздний этап развития имеет своей предпосылкой непрерывное течение предшествующих этапов развития.

Ориентирующее значение для людей имеют конкретные модели благополучия в возрастной перспективе, детали которых в жизни людей приводят к удовлетворению от повседневной жизни в разном возрасте, что требует описания этих признаков и реконструкции моделей. В социальной классификации возраста после сорока пяти лет начинается преддверие старости. Однако в современных российских условиях на родителей в этом возрасте ложатся серьезные задачи по социализации детей, ресурсного обеспечения устройства в обществе, что также вызвано общей тенденцией повышения среднего возраста рождения первого ребенка у женщин и мужчин в индустриальных странах. В стратификации социальных различий возраста после 60 лет наступает старость.

Серьезным недостатком социологического изучения семьи в России является то, что в возрастном аспекте внимание уделяется, главным образом, молодой семье. На периферии научного интереса остаются семьи людей среднего и пожилого возраста, что не соответствует мировым стандартам¹⁵. Одним из приоритетных направлений общественного развития на современном этапе, декларируемым в публичном дискурсе, в официальных документах, в частности в документах ООН, является концепция «общество для людей всех возрастов». Методология комплексного институционального анализа предполагает изучение

составляющих семейного благополучия в оценках людей молодого, среднего и старшего возрастов, выявление их общих черт и отличий. Методология исследования семейного благополучия должна опираться на научное знание о геронтокультуре и ее особенностях в современной России¹⁶. При этом важным представляется учет содержательной особенности современной модели жизненного цикла. В традиционном обществе существовал жестко заданный жизненный цикл, где каждому возрастному периоду соответствовало конкретное содержание деятельности. В настоящее время имеет место большая индивидуальная вариативность в выборе приоритетов, видов деятельности на различных этапах жизненного пути. Отметим, что закономерности в частоте и временной последовательности событий, характеристик и позиций в жизни человека в значительной степени обусловлены социальными структурами. Индивидуальность же жизненного пути состоит в последовательности действий и событий в различных сферах жизни и в институционализованных полях деятельности.

В заключение отметим, что для развития социологической теории важно разработать интерпретационную модель благополучия семьи, изменив контуры существующей парадигмы. Исследование благополучия семьи должно быть нацелено на анализ материальной, эмоциональной и социальной составляющих семейных отношений, включая пространственно-артефактную организацию повседневной жизни семьи, а также на раскрытие роли поколенческой трансмиссии в достижении такого благополучия. Однако это не означает очередного «навешивания ярлыков»: какие-то семьи заносятся в разряд благополучных семей, какие-то – в разряд неблагополучных. Комплексное институциональное исследование благополучия семьи, предлагаемое авторами статьи, по сути, является научной экспертизой собственных институциональных ресурсов (институционального потенциала) семьи в современном российском обществе для обеспечения ее благополучия, с разработкой соответствующей типологии семейного поведения.

Примечания

- 1 См.: Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг. // Социс. 2008. № 12. С. 97–103.
- 2 См.: Климова С. В. Семья в фокусе экономической социологии // Экономика. Социология. Право : альманах. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 62–66.
- 3 См.: Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств : опыт эмпирического исследования // Социс. 2003. № 8. С. 34–45.
- 4 См.: Латур Б. Когда вещи дают сдачи : возможный

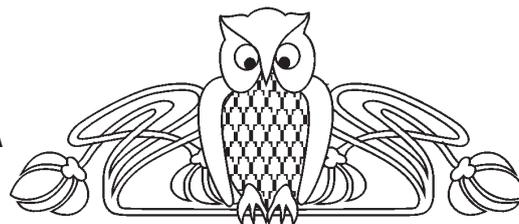

- вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
- ⁵ См.: Климova С. В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы // Социс. 2006. № 9. С. 110–113.
- ⁶ См.: Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в разных типах семей // Социс. 2012. № 10. С. 99–108.
- ⁷ См.: Шевченко И. О., Шевченко П. В. Большая семья – какая она? // Социс. 2005. № 1. С. 95–101.
- ⁸ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад Института социологии РАН. С. 125 // Электронные издания Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения: 09.04.2013). Исследование по готовности российского общества к модернизации было проведено в марте–апреле 2010 г. Институтом социологии РАН и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ.
- ⁹ См.: Климova С. В. Социальный феномен любви // Социс. 2009. № 9. С. 79–88.
- ¹⁰ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 117.
- ¹¹ См.: Климova С. В. Домашний труд в городской семье // Социс. 2012. № 4. С. 118–121.
- ¹² См.: Смелзер Н. Дж. Рациональное и амбивалентное в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 1. С. 22–46.
- ¹³ См.: Готово ли российское общество к модернизации? С. 123.
- ¹⁴ См.: Елютина М. Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социс. 2009. № 7. С. 101–109.
- ¹⁵ См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в позднем возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–92.
- ¹⁶ См.: Елютина М. Э. Социогеронтологические проблемы в контексте современного развития // Старость в современном российском обществе : интеробъективный и интересубъективный контексты / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов, 2010. С. 5–16.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК. 316.334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: mmoshkunova@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь особенностей потребления продукции шоу-бизнеса с социально-экономическими и демографическими характеристиками потребителей по результатам авторского социологического исследования, проведенного в г. Саратове в марте 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

Social Portrait of the Consumer in the Sphere of Show of Business in the Big City (on the Example of Saratov)

M. V. Moshkunova

In article the interrelation of features of show business production consumption with social economic and demographic characteristics of consumers by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in March, 2012 is considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Современное российское общество живет в условиях рыночной экономики, а значит, в условиях выбора потребляемых продуктов и ресурсов. Один из основных вопросов рыночной экономики – кто будет покупать выбранные товары и услуги? Изучение потребительского поведения позволяет ответить на этот вопрос. Потребительское поведение является формой экономического поведения человека и в полной мере отражает социальный статус группы и личности. Рыночные реформы привели к значительному расслоению российского общества как по уровню доходов, так и по уровню и качеству жизни. Оно дифференцировано по полу, возрасту, образованию, материальному положению, ценностным установкам, структуре и степени удовлетворения потребностей. Расслоение общества обуславливает специфику потребления в зависимости от социального статуса, положения в системе социально-трудовых отношений, величины и способа получения дохода.

Шоу-бизнес является одним из ярких феноменов современного общества. Определяясь в качестве одного из важных элементов современной социальной жизни, он становится своего рода индикатором происходящих в обществе